

ПРЕДИСЛОВИЕ

Irgendwo giebt es noch Völker und Heerden,
doch nicht bei uns, meine Brüder: da giebt
es Staaten. Staat? Was ist das?.. Staat heisst
das kälteste aller kalten Ungeheuer. Kalt
lügt es auch; und diese Lüge kriecht aus
seinem Munde: „Ich, der Staat, bin das Volk“.
Ничто.

Предлагаемый сборник был задуман в 1907 году. Часть его ¹⁾ написана еще в начале 1908 года. Словом, зарождение его и дальнейшее развитие совпало с периодом затишья в области национального движения, по крайней мере, высшего.

В Австрии подавал еще надежды молодой парламент, избранный на основе всеобщего избирательного права,—и ожесточенность между национальностями приняла временно более широкий характер. В Венгрии—национальности под безпоощадным гнетом мадяры, на время „присмирели“, замерли, как бы пританцовывая; косвенно и там сказались обаяние нового австрийского рейхсрата. В России,—с общим упадком общественной жизни, национальное брожение ушло в глубину; о национальном же лице ее „строительницы“ почти ничего еще не было слышно, а о Великой России едва только заговорили. Не дошло еще также до открытого „ругающего боя“ между славянством и германством...

Но с того времени фарватер национальной жизни круто изменился. Почти неожиданно, стихийно—как всегда—вновь пробудились страсти и страхи народов. И со свойственным современности темпом, национальный подъем быстро перекинулся с одной народности на другую, развивая повсюду огромную социальную энергию...

С новой силой и ожесточением возобновляется немецко-чешская борьба; крайние резкие формы принимают распри между поляками и украинцами в Галиции и завершаются террористическим актом во Львов. Выбихили, чисто юридическая формальность, так называемая аннексия Боснии и Герцеговины приводит в движение все южное славянство и вызывает глубокий политический потрясений, одно время грозивший

¹⁾ Почти весь первый отдел „Австро-Венгрия“ и часть статей о России.

даже разразиться войной между Сербией и Австрией, и лишь энергичное европейское вмешательство в состоянии подавить возбужденное национальное чувство. В Турции,—в ответ на аппеляцию, с рвением единодушным проводил бойкот австрийских товаров, причивший австрийскому народному хозяйству чувствительный ущерб: народы опередили дипломатию и смело расправляются за наносимый им национальные обиды. Под знаком национальваго освобождения совершаются политические перевороты—в Турции и Персии. Одла за другой поднимаются народности на Балканах и в Малой Азии. Бриты возобновляют свои попытки присоединения к Греции. Широко разрастается национальное движение в Индии, принимая все более угрожающий характер; усиливается брожение в Китае, Марокко, Египте. Весь восток становится ареной борьбы за национальное освобождение и независимость ¹⁾.

Два крупных момента характеризуют переживаемую нами эру: крушение архаических форм государственного быта и всеобщее освобождение Азии от Европы,—от ее политической опеки и экономического порабощения.

И этот великий переворот выступает предь нами в твердой оболочке национальной идеи.

Как некогда великая французская революция, так и революционное движение в России несколько государство и народы. И подобно тому, как общественный подъем и политическое пробуждение, охватившее после французской революции почти всю Европу, отличалось прежде всего в формы широких возманий за национальную независимость, наша эпоха—одна из величайших. Быть может, в общественной эволюции нового времени—в еще большей мере, ознаменовалась стихийным взрывом национальных страстей и ожесточенной борьбой за права *национальности*.

В глубоком психологическом переломе, который принесла с собою крупная социальная изменения начала XIX столетия, национальная идея зародилась, в освободительных войнах против наполеоновского „уни-

¹⁾ В то же время то тут, то там наблюдаются отдельные всемирные национальные чувства, порою широкого, порою агрессивного характера. И вновь воскресает старая идея панславизма, получающая яркое выражение в всеславянском конгрессе в Праге и в том же ряде славянских манифестаций и съездов. В Италии происходят массовые демонстрации против Австрии за национальное освобождение итальянцев и лишение их университета в Триесте. В Северо-Американских Соединенных Штатах праздники и митинги (в том числе двух наиболее крупных национальных организаций: „Ancient Order of Hibernians of America“ и „Deutsch-amerikanischer Nationalbund“) объединяются для общей борьбы против „англо-саксонского господства“ в государстве. Усиливается „сепаратистское“ движение в Каталонии (Испания), Бельгии,—Митинги из этих разрозненных гонимых еще не могут быть в достаточной мере учтены и оценены, но многие из них несомненно являются первыми побуждениями новых политических факторов, которым так или иначе суждено играть заметную роль в дальнейшем развитии народов. Сюда же следует отнести еще одно событие, занимающее—по своим делам и стремлениям—совершенно особое место в общем национальном концерте, но весьма замечательное для современного национального подъема. Им было в виду первый еврейский съезд (летом 1906) в Черновицах, созванный для принятия меры к возрождению еврейского языка—жаргоза,—событие, представляющее собою, по моему, одно из наиболее замечательных этапов в национальном движении евреев, возне всех культурных наций вступивших в активную борьбу за свое национальное освобождение.

версализма", она сложилась и окрепла¹⁾, получила свое политическое крещение, и с тех пор она не сходит с исторической сцены. Мало того. Со стихийной силой захватывает она одну этническую группу за другой, и по мере того как она с такой силой распространяется в ширь, она все больше и больше просачивается вглубь, увлекая в сферу своего влияния один общественный класс за другим.

Сквозь толщу бесчисленных социальных и экономических наслоений все рвуще пробивается паружу „воля къ падин“.

Одинъ за другимъ поднимаются народы, независимо от численности и степеней культуры, каждый обособляется. „самоутверждается“, и, напрягая до крайности общественныя силы, каждый изъ нихъ добивается возможно большей полноты свободы для своей „национальной индивидуальности“.

Общественный процессъ демонстрируетъ предъ нами одно изъ его наиболее сложных и захватительныхъ образованій,— причудливый капризъ всемирно-историческаго творчества.

Одновременно съ разростаніемъ глубокихъ противорѣчій внутри общественнаго „организма“, наряду съ чрезвычайнымъ обостреніемъ экономическихъ, социальныхъ и политическихъ антагонизмовъ, съ рвущимъ расчлененіемъ общества на враждебные другъ другу классы,—словомъ, параллельно съ развѣвающей дифференціаціей даетъ себя чувствовать другой, не менѣе властный процессъ, дѣйствующій какъ будто въ обратномъ направленіи,— процессъ *социально-психологической иммиграціи*, который путемъ цѣлаго ряда психологическихъ реакцій тѣсно сдвѣляетъ все эти центробѣжные элементы и сливаетъ ихъ въ одно неразрывное духовное цѣлое. И по мере того, какъ крѣпнеть это цѣлое, въ его „частицахъ“ все осязательнѣе становится сознание принадлежности къ этому цѣлому. И въ постоянномъ взаимодействіи между ними связь все сильнѣе закрѣпляется, создается какъ бы особая форма, крѣпко обнимающая собою все разрозненныя части²⁾.

Именно лишь форму образуетъ национальность.

¹⁾ См. Friedrich Meinecke. Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates (Müncher-Berlin. 1908).

²⁾ Яркой иллюстраціей такого процесса, совершившагося, можно сказать, на нашихъ глазахъ, можетъ служить явленіе, наблюдаемое съ вѣроятіемъ в Соединен. Штатахъ Сѣвера. Америкѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей на излюбленную тему объ „этичности американцевъ“, Теодоръ Рузвельтъ, являющійся несомнѣнно однимъ изъ типичнѣйшихъ выразителей современнаго американскаго общественнаго міровоззрѣнія, касается между прочимъ вопроса о прибывающихъ въ Соедин. Штаты переселенцахъ и говоритъ: „Мы должны сдѣлать изъ нихъ американцевъ во всѣхъ отношеніяхъ: во ямъ, политическомъ взглядѣ и принципамъ, во политическомъ и отношеніяхъ къ церкви и государству. Мы имъ обязаны ильма, ильма, стремимся цѣлкомъ стать американцами, но намъ не нужно чужеземцевъ, не желающихъ отказаться отъ своей національности. Намъ не нужны ирландо-американцы, ирландо-американцы, образующіе особый слой въ нашей общественной и политической жизни. Мы никого не можемъ признать *кроме американцевъ*“ (Курсъ лекцій мой. См. Americanism. Schriften und Reden von Th. Roosevelt. Im deutsch übertragen von Paul Rasch. стр. 22. Leipzig, Reclam). Выросшій на политической культурѣ свободной республики и проникнутый демократическими традиціями американской государственности, Рузвельтъ, какъ и его единомышленники, не приходятъ, конечно, къ тѣмъ философско-этническимъ выводамъ, къ которымъ въ такихъ случаяхъ приближаются ихъ антинимы въ старомъ свѣтѣ. Они остаются въ рамкахъ своего, такъ сказать, „практическаго идеала“, и въ области внутренней политики дальше требованія исключительнаго господства а г л и б к а г о языка въ государственной

И постольку она такъ или иначе, въ связи съ объективнымъ ходомъ развитія, способна видоизмѣнять свое содержаніе. Больше того! Лишь только изъ глубочайшихъ низинъ безсознательной жизни поднимается на поверхность сознания новый социальный слой, какъ овъ начинаетъ претендовать на „представительство“ данной национальности, считаетъ себя ядромъ и наиболее вѣрнымъ выразителемъ ея нуждъ и чаяній. И чѣмъ больше численность этихъ „слоевъ“ увеличивается, чѣмъ больше растутъ ихъ общественная активность, тѣмъ болѣе этотъ споръ разгорается, тѣмъ болѣе сама национальность становится орудіемъ борьбы въ бесчисленныхъ столкновеніяхъ этихъ слоевъ; въ связи съ этимъ, мѣняются даже понятія о национальности, мѣняются ея цѣли и стремленія, мѣняются, наконецъ, и орудія достиженія этихъ цѣлей. Но все это происходитъ—отъ имени и во имя данной нации. Форма остается та же.

И чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе внутреннія тренія, тѣмъ интенсивнѣе окрашивается эта форма, тѣмъ болѣе она твердѣетъ, тѣмъ слитнѣе и замкнутѣе выступаетъ каждая национальность по отношенію къ „вышнему міру“,—къ другимъ национальностямъ.

Какъ произведеніе духовной культуры, национальность съ трудомъ поддается строгому анализу и разложенію на составные элементы. Тѣмъ труднѣе прослѣдить всѣ отдѣльныя чертены ея развитія, ея постепеннаго образованія и формировки. Это сдѣлать было бы трудно и тогда, если бы для каждаго даннаго случая были установлены всѣ тѣ вышнія матеріальныя условія, при которыхъ эта форма выливалась, если бы была выяснена вся конкретная общественная обстановка, ее обуславливающая; безусловны тѣ причинныя механизмы, которые перекидываютъ этотъ плавучій мостъ отъ вышняго реальнаго міра къ міру внутреннему, тѣ механизмы, при помощи которыхъ объективно-матеріальная среда претворяется въ психическую энергию, переходитъ въ субъективную жизнь—въ идеи.

Но какъ бы то ни было, предъ яркостью тѣхъ многообразныхъ социальныхъ „эффектовъ“, которые национальная идея повсюду вызываетъ, генетическая ея сложность ступневывается, исчезаетъ. Национальность,— какъ ничто сознательное, какъ цѣль—все рвуще и ярче выдвигается на общемъ фонѣ социального бытія, она становится регуляторомъ общественной совѣсти, до известной степени сообщаетъ направленіе всему общественному

ной школѣ—не идетъ. Хотя, съ другой стороны, весьма характерны такія явленія какъ запретъ въѣзда въ страну китайцамъ и японцамъ, рѣзкія назначенія негровъ на государственную и общественную службу и, last not least, съ каждымъ годомъ все усиливающіяся ограниченія противъ переселенцевъ изъ восточной и южной Европы. Но все это явленія не чисто *национальнаго* порядка; на нихъ еще слишкомъ замѣтна печать непосредственнаго воздѣйствія болѣе конкретныхъ причинъ. Однако, важно не это, а то характерное противопоставленіе себя, какъ *американцевъ*—*ирландцамъ* и *ирландцамъ*, иными словами, тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ въ значительной степени и сложилось народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ. Въ какія-нибудь два—три столѣтія, изъ хаоса народовъ, изъ аморфной массы разрозненныхъ этническихъ осколковъ незаметно выкристаллизовался новый „организмъ“, прокламирующий свою особую духовную сущность,—и, что всего болѣе знаменательно, властно требующій признанія за нимъ абсолютнаго суверенитета во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни.

руслу. Въ реальной, повседневной жизни национальность выступает предъ нами, как *цѣлая* сила, как самостоятельный, довлѣющій себѣ факторъ. И съ этой точки зрѣнія, именно, съ точки зрѣнія его *практической* важности въ конкретной общественной жизни, это новое историческое явленіе насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ.

Если окинуть взглядомъ современную „организацию міра“, мы видимъ, какъ нѣсколько націй только, незначительная въ сущности кучка народовъ, захватили въ свои руки власть и господство, вооруженные государственнымъ механизмомъ они „владѣютъ“ многочисленными племенами и народностями, на счетъ которыхъ умножаютъ свою мощь и богатства.

Сложные пути экономической эволюціи, тяга къ хозяйственной автархіи, династическіе интересы и все то, что приписывается такъ называемой „экспансивности человеческой души“, — словомъ, весь ходъ общественного развитія неуклонно ведетъ къ образованію огромныхъ политическихъ пространствъ, и со всей своей тяжестью этотъ процессъ собиранія земли врѣзывается въ тѣла народовъ, беспощадно разрывая ихъ на отдѣльныя части, или сплюсывая въ одно государственное сложеніе. Остальное завершаетъ другой спутникъ капиталистическаго процесса—переселенческое движеніе, съ чрезвычайнымъ ватискомъ вторгающее многочисленные этническія частицы въ поры чужихъ національныхъ и государственныхъ организмовъ.

Современныя государства представляютъ собою пеструю этнографическія мозаики, отгѣвненная только однимъ общимъ фономъ, — „constitutions générales“, какъ нѣкогда одинъ французскій политикъ прозвалъ до-объединенную Германію. Желѣзнымъ кольцомъ облегаютъ они разрозненныя національныя группы—съ разнымъ историческимъ прошлымъ, съ разными культурами и съ различными, подчасъ противоположными, потребностями и запросами.

„Национальное государство“—этотъ великій лозунгъ XIX столѣтія, подъ влияніемъ котораго измѣнилась почти вся политическая структура Европы, оказался на дѣлѣ политической фикціей,—одно изъ обычныхъ злоупотребленій въ исторіи народовъ! Национальное государство осуществилось лишь постольку, поскольку государственная нація укрѣпила свое верховенство и наложила рѣзкую печать на все государственное строеніе.

Даже въ государствахъ, наиболее отличающихся своимъ национальнымъ единообразіемъ, даже и тамъ государственная жизнь рѣдко совпадаетъ съ жизнью національной. Во Франціи, напримеръ, въ этой странѣ, столь щеголяющей своимъ единымъ французскимъ характеромъ, мы находимъ, во-первыхъ, цѣлую кельтскую народность, численностью въ 1.200.000 человекъ (3% всего населенія)—бретонцевъ, до сихъ поръ сохранившихъ еще свой особый языкъ и культуру; на Корсикѣ населеніе говоритъ по итальянски, и если прибавить еще кромѣ того все колониальное населеніе республики, тѣ пятьдесятъ миллионовъ арабовъ, евреевъ, мауровъ, китайцевъ, негровъ и т. д., то окажется, что „хозяйка“ страны—французы—едва составляютъ половину ея населенія. Почти ту же картину мы наблюдаемъ въ Великобританіи, въ

Италіи, Испаніи, Голландіи. Рельефнѣе эта национальная смѣшанность выступаетъ въ Бельгіи и Швейцаріи¹⁾.

И чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ картина все рѣзче мѣняется. Мы все больше наталкиваемся на скопленія народовъ разнаго происхожденія и различныхъ расъ, перемѣшанныхъ между собою въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ. Здѣсь въ периферіяхъ, занимающихъ срединное положеніе между Азіей и Западной Европой, — на пути великаго переселенія народовъ, здѣсь обилие различныхъ племенъ или остатки племенъ, которыя послѣ цѣлаго ряда завоеваній и политическихъ катастрофъ оказались раздѣленными между тремя государствами—Россіей, Австро-Венгріей и Турціей.

Стихийная сила историческаго процесса и явная произволъ расчетливой дипломатіи сказались въ этихъ государствахъ съ вѣковой силой. „Точно мощная рука разбила мозаику и долго трясла ее въ охапѣхъ мѣшкѣ“. Рядомъ съ чрезвычайной разорванностью, съ дробленіемъ национальностей на части, „размѣщенный“ по разнымъ государствамъ²⁾, мы находимъ здѣсь неистощимое нагроможденіе многочисленныхъ этническихъ осколковъ въ охапѣхъ мѣшкѣ,—механическую смѣсь, представляющую собою, однако, въ социальномъ и экономическомъ отношеніи замѣчательный комплексъ сплетеній и зависимостей. Достаточно только указать на весь западъ Россіи, на такъ называемую „черту еврейской осѣлености“, гдѣ нѣтъ почти ни одного города, въ которомъ бокъ о бокъ не жило бы четыре-пять и даже больше національностей. При этомъ всякая кѣрка ни одна изъ нихъ въ составленіи замѣтнаго большинства. Аналогичную же картину мы встрѣчаемъ въ Македоніи, въ многихъ комитахъ Венгріи, въ отдѣльныхъ округахъ Богеміи и Галиціи, отчасти на Кавказѣ и т. д.

Характерной особенностью національной структуры этихъ трехъ государствъ является то, что въ нихъ державная народность, та группа, которая руководитъ всей государственной жизнью, составляетъ только относительное большинство, только въ сравненіи съ каждой народностью, въ отдѣльности взятой, она численно сильнѣе; но отношенію же ко всему населенію страны она находится въ значительномъ меньшинствѣ. Уркой иллюстраціей въ этомъ случаѣ можетъ служить слѣдующая таблица о составѣ населенія Габсбургской монархіи³⁾.

¹⁾ Въ Бельгіи, гдѣ до сихъ поръ еще французскій элементъ преобладаетъ въ государственной и общественной жизни, французы составляютъ всего 38,5% населенія; фламандцевъ же, лишь съ недавняго времени начавшихъ завоевывать себѣ національный прага, числится 42,2%.—Швейцарія объединяетъ 4 национальности: вѣднцевъ—60,9%, французовъ—22,1%, итальянцевъ—6,7% и, такъ называемыхъ, романдцевъ—1,3%. Изъ нихъ только первыхъ трехъ можно считать вполнѣ однородными въ национальномъ отношеніи.

²⁾ Такъ, украинцы, напримеръ, разбиты по тремъ государствамъ—между Россіей, Австріей и Венгріей. Поляки—между Россіей, Австріей и Германіей. Армяне—между Россіей, Турціей и Персіей. Румыны—кромѣ Румыніи населяютъ также Австрію и Венгрію. Маленькая сербская народность раздроблена на шесть частей. Точно также греки, болгары, албанцы и т. д., не говоря уже о евреяхъ.

³⁾ О статистикѣ національностей въ Россіи см. влде статью М. Славянского „Национальная структура Россіи и великороссія“.

А В С Т Р И Я ¹⁾.

Б Е Н Г Р И Я.

Национальность.	Количество населения.	Въ проц.	Национальность.	Количество населения.	Въ проц.
Нѣмцевъ . . .	9.170.939	35,78	Мадьяръ . . .	8.742.301	45,4
Чеховъ . . .	5.955.397	23,23	Румынъ . . .	2.799.479	14,5
Поляковъ . . .	4.259.152	16,61	Нѣмцевъ . . .	2.135.181	11,1
Украинцевъ . . .	3.375.576	13,17	Словаковъ . . .	2.019.641	10,5
Словенцевъ . . .	1.192.780	4,68	Хорватовъ . . .	1.678.569	8,7
Сербо-хорватовъ	711.380	2,75	Сербовъ . . .	1.052.180	5,5
Итальянцевъ . . .	727.102	2,84	Украинцевъ . . .	429.447	2,2
Румынъ . . .	230.963	0,90			

Австро-Венгрия лишній разъ удостоверяетъ ту подавляющую силу, которой обладаетъ „территорія“ (въ смыслѣ географическомъ и экономическомъ), тотъ огромный перевѣсъ, который она имѣетъ предъ „национальностью“, — при образованіи и развитіи современныхъ государственныхъ формаций.

Точно каменная твердыня стоитъ предъ нами эта мозаичная государственная организация, обнаруживая чрезвычайную жизнеспособность и силы сопротивленія. Ни Тридцатилѣтняя, ни Семилѣтняя война, ни тяжелые удары Наполеона, ни бурные дни сорокъ восьмого года, ни, наконецъ, пораженія при Сольферино и Кениггрецъ—не могли расшатать эту аморфную массу.

Вдохновитель чешскаго національнаго возрожденія Палацкий разъ выразился: „если бы Австріи не было, ее необходимо было бы создать“. Въ этихъ словахъ ярко сказалась вся идея австрійскаго государства. Экономическая взаимозависимость ²⁾, географическая конфигурація, своеобразное положеніе между тремя вооруженными державами, — подъ тяжелымъ давленіемъ этой совокупности факторовъ племенная граница стерлась, стусеивалась, — во имя „высшихъ интересовъ“ чуждые другъ другу народы и культуры должны были слиться въ единую государственную массу.

Красной нитью этотъ всеинвелирующій процессъ государства тянется черезъ всю исторію чловѣческаго общежитія, сметая на своемъ пути народы, уничтожая вѣковыя культуры. Романизация кельтскихъ и многочисленныхъ италійскихъ племенъ въ древнемъ Римѣ, германизация славянъ въ имперіи Карла Великаго, все такъ-называемые мертвые языки, до сихъ поръ сохранившіеся въ такомъ изобиліи, являются „живыми“ свидѣтелями этого разрушительнаго процесса ³⁾.

¹⁾ Согласно официальному изчисленію (по переписи 1900 г.) — такъ называемая „национальность, государствомъ признанная“. Въ сущности же въ Австріи живетъ 11 национальностей. Ибо сербы и хорваты считаютъ себя двумя отдѣльными народностями (см. ниже статью „Южные славяне“), точно также слѣдуетъ считать отдѣльно словаковъ въ Моравіи, причисленныхъ австрійскою статистикой къ чехамъ, и затѣмъ — евреевъ, которые въ политическомъ отношеніи не признаются въ Австріи особой национальностью (см. статьи „Поляки“ и „Евреи“).

²⁾ См. Rudolf Spriinger, Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie (Wien 1906), стр. 205 ff.

³⁾ Cp. Ludwиг Gumpłowicz. Der Kassenkampf (Innsbruck, 1883).

Одна изъ многочисленныхъ дисгармоній соціального бытія!

И какъ ни велика была та стимулирующая сила, съ какой національный принципъ ворвался въ европейское общество XIX столѣтія, — факторомъ государственнаго объединенія онъ сдѣлался лишь тамъ, гдѣ въ основу его легло географическое и хозяйственное единство: объединеніе Германіи и Италіи ¹⁾. За предѣлами же этого единства вліяніе національнаго принципа какъ бы ослабѣваетъ, огромная часть нѣмецкой націи отходитъ къ Габсбургской монархіи, точно также значительная часть итальянцевъ остается внѣ предѣловъ объединенной Италіи. Памятниками скорѣе безсилія національнаго принципа, чѣмъ его торжества являются также Балканскія государства. Лишь отдѣльные фрагменты балканскихъ народностей добились государственной самостоятельности, — постольку, поскольку національному освобожденію послѣднихъ благоприятствовали политическіе или династическіе интересы великихъ державъ. Вся же остальная масса, почти половина сербовъ, столько же румынъ, значительная часть болгаръ, грековъ и т. д. до сихъ поръ остаются подъ владѣтельствомъ чужихъ народовъ, несмотря на тѣ отчаянныя усилія, которыя они дѣлають, чтобы присоединиться къ своимъ государственнымъ соплеменникамъ.

По своей природѣ государство прямая антитеза національности, полнѣйшее ея отрицаніе. Современные государства представляютъ собою прежде всего организациі хозяйственнаго порядка, условіями производительности и обмена опредѣляется, главнымъ образомъ, ихъ существованіе и развитіе ²⁾. Въ этомъ весь историческій трагизмъ негосударственныхъ народностей, не менѣе роковымъ это обстоятельство становится и для народности державной, — для государства во всей его совокупности.

Огромный ростъ чловѣческихъ потребностей и въ связи съ этимъ желѣзная необходимость въ усиленіи средствъ производительности до крайности обострили борьбу между народами. Съ чрезвычайной бдительностью, ревнливо, оберегаютъ они каждую пядь своей власти, — этого важнѣйшаго орудія для сохраненія своего мѣста въ мировомъ составѣ. Коалиціями и вынужденными компромиссами обезпечивъ сферу своего вліянія и звѣзъ, народы „стояще у власти“ съ тѣмъ большей силой налегаютъ на своихъ соперниковъ въ утри. Путемъ всяческихъ ограниченій и репрессалій они ослабляютъ производительныя способности искорененныхъ народовъ, стремятся оборвать между ними все живыя связи, — языкъ, книгу, школу, свирѣпо душатъ всякое проявленіе общественной или личной жизни. Они употребляютъ все усилія къ тому, чтобы обезцвѣтить противника и загнать его, ибо только такимъ путемъ они въ состояніи отстоять свое верховенство.

И по мѣрѣ того, какъ хозяйственная жизнь страны развивается, и зависимость центра — господствующей націи — отъ периферіи растетъ.

¹⁾ Cp. Friedrich Ratzel, Politische Geographie. (Leipzig, 1897).

²⁾ R. Springer. Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie.

въ рядахъ первой все больше увеличивается кругъ заинтересованныхъ въ ея власти и господствѣ. На авансцену общественной жизни выступаютъ купцы, промышленники, банкиры, интеллигенція,—все элементы очень мирные „сами по себѣ“, но далеко вемирно настроенные, когда дѣло касается насущныхъ ихъ интересовъ. Съ ихъ появленіемъ агрессивность, наступательное движеніе „націи“ не только растетъ, но въ него все больше и больше вносятся элементы сознательности, идеологій. То, что раньше происходило болѣе стихійно, пачищается сознательнѣе, какъ культурная необходимость. Главенство становится предметомъ программы и болѣе того — предметомъ вѣры, міросозерцанія. Не мало въ этомъ направленіи дѣйствуетъ пробуждающееся національное чувство, то „взрывчатое вещество“, которымъ такъ легко разжечь любую общественную страсть. Жажда къ господству, къ первенству постепенно охватываетъ все болѣе широкіе слои общества. Поэты варьяютъ ее въ патристическую мантію поэзіи, ученые — экономисты, государствовѣды, политики раскрываютъ ее подъ благородный цвѣтъ научныхъ постулатовъ. Главенство становится „святыней націи“.

Современный империализмъ!

Различно эти империалистскія тенденціи преломляются сквозь психику отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и соответственно интересамъ послѣднихъ принимаютъ разнообразныя конкретныя формы. Различны также тѣ средства, коими та или иная общественная группа стремится осуществить свои империалистскіе идеалы. И если у однихъ эти тенденціи воплощаются въ гуманическую идею „культурной миссіи“, то у другихъ она выродится въ ярый шовинизмъ и челоѣконенавистничество. Но въ конечномъ счетѣ результаты получаются всегда и вездѣ одинаковыя: суверенное меньшинство — въ цѣляхъ своего обогащенія и могущества рѣшительно игнорируетъ интересы подчиненнаго ему большинства, и сознательно или безсознательно попираетъ ногами его самыя элементарныя права, священныя права самоопредѣленія.

Англо-саксонскій „*Britannia rules the waves*“, великороссскій „Великая Россія“ и тому подобныя перефразированныя девизы другихъ державныхъ народовъ — большихъ и малыхъ — все это лишь разныя выраженія для одного и того же содержанія! Главенство матеріальное и главенство интеллектуальное, *демонационализация* и *декапитализация* (подъ угломъ зрѣнія современнаго общественнаго развитія эти понятія — синонимы!) подвластнаго соперника являются высшимъ государственнымъ принципомъ. На немъ строится законодательство, государственное управленіе, хозяйственная политика, — вся государственная машина приспособляется къ этому политическому императиву.

Но какъ ни богато и разносторонне „соціальное творчество“ современнаго централизованнаго государства, какъ ни разнообразны тѣ разрушительныя, мертвящія средства, которыми располагаетъ главенствующая нація въ лицѣ этого обличеннаго безграничной мистической власти „левизона“, — останювить побѣдительное шествіе пробуждающихся народностей она не въ силахъ.

Ассимилирующій процессъ государства — это типичное явленіе прежнихъ историческихъ эпохъ, сыгравшее столь печальную роль въ судьбахъ поко-

ренныхъ народностей и „упрошавшее“ въ значительной мѣрѣ политическія и административныя задачи государствъ былыхъ временъ, — процессъ поглощенія одной народности другой нынѣ почти прекратился. Въ особенности въ Европѣ она не имѣетъ больше мѣста.

Представляя собою процессъ чисто органической, являясь результатомъ скрещенія, смѣшанныхъ браковъ, массовая ассимиляція возможна лишь тамъ, гдѣ происходитъ непрерывный притокъ свѣжихъ челоѣческихъ массъ. Она обуславливается прежде всего широкой земледѣльческой колонизаціей, гдѣ длительно, такъ сказать, *инфильтрація* многочисленныхъ элементовъ господствующей народности естественно растворяетъ политически болѣе слабое туземное населеніе¹⁾.

Но измѣняея мировой конъюнктуры, экомическій подъемъ и индустриализація новыхъ малозаселенныхъ земель отплеваетъ почти весь излишекъ населенія въ новыя страны, колонизаціонное движеніе, происходившее раньше въ предѣлахъ Европы, получило съ теченіемъ времени другое направленіе, оно перенеслось за океанъ, въ Сибирь, въ среднюю Азію. Процессъ ассимиляціи лишился въ европейскихъ государствахъ одной изъ важнѣйшихъ его предпосылокъ: постоянного *массоваго* сбыва челоѣческаго матеріала. Въ средѣ поработеннаго ивродческаго населенія главенствующая народность образуетъ лишь незначительную бюрократическую или торговую надстройку, строго изолированную во вражескомъ станѣ. Расстворять подвластнаго соперника она лишена возможности.

Между тѣмъ, внутреннее развитіе народовъ, какъ мы видѣли уже выше, все больше и больше увеличиваетъ ихъ упругость и силы сопротивленія²⁾.

¹⁾ Лучшимъ примѣромъ тому, насколько процессъ ассимиляціи измѣняетъ преимущественно отъ биологическихъ законовъ, можетъ служить огромное ассимилирующее вліяніе Рима въ срязательное безсміе Греціи въ этомъ отношеніи. Завершенія зрѣлаго юности всегда сопровождалась широкой крестьянской колонизаціей, образовавшею во вновь приобретенныхъ областяхъ многочисленныя колоніи съ преобладающимъ италійскимъ населеніемъ, въ то время, какъ греческая колонизація состояла преимущественно изъ торговцевъ и элементовъ, являвшихся въ страну въ весьма маломъ разубѣтѣ, количествѣ. — Сообразно съ характеромъ и направленіемъ колонизаціоннаго движенія дѣйствуетъ также въ среднѣ вѣка процессъ германизаціи. На юго-востокѣ Европы, куда шель главный потокъ средневѣковой итѣльской эмиграціи — крестьянскій, мелкій ремесленникъ и т. д., огромная часть туземнаго славянскаго населенія ойѣсчилось. На востокѣ же, гдѣ обдакъ главнымъ образомъ вѣнскій конгерь и чехованскіе, германизаторскія понятія остались тѣтешными, несмотря на то, что тамъ и до сихъ поръ еще преобдакъ иѣвнѣе крупное земледѣльство, во власти котораго находится главный рычагъ общественной и политической жизни. — Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ въ сѣверной Америкѣ. Несмотря на то, что первыми колонизаторами страны были нидерландскіе, явившіеся туда значительно раньше англичанъ, нидерландская культура не оставила тамъ никакихъ слѣдовъ. Нидерландская колонизація, рекрутировавшаяся, главнымъ образомъ, изъ крупныхъ торговцевъ, должна была въ концѣ концовъ уступить мѣсто аргійской земледѣльческой колонизаціи: массовой вымѣтѣ английскихъ крестьянъ, переселившихся туда съ жанами и дѣтьми и рѣдко осѣдвшихъ на земель, наложивъ рѣзкую печать на все дальнейшее развитіе американскаго общества. Ту же тѣсную связь между процессомъ ассимиляціи и колонизаціоннымъ движеніемъ, непосредственную зависимость первой отъ второй, мы можемъ прослѣдить почти на весь протяженіи исторіи. Искусственно же, насильственнымъ обезачненіе, ассимиляціонная политика *никогда не имѣла успѣха*. Ср. Friedrich Ratzel: „Politische Geographie“, стр. 31 и.

²⁾ См. также выше статью Р. Шарингера: „Политическая эволюція національностей въ Австро-Венгріи“.

Твердо и неуклонно пробуждающаяся народности пролагают себе путь к культурной и социальной независимости, отвоёвывая все более прочную и неустрашимую позицию. В рамках государственной организации вырастает реальная политическая сила, движущаяся согласно собственным законам, совершенно независимо от влиятельных юридических норм.

И под тяжёлым напором тех движений, вращений и оборотов, которые описывает эта сила в круговороте общественной жизни, приходит в сотрсение весь механизм государства, приуроченный исключительно к интересам одной народности, — рушится государственное здание.

В своем упорном натиске процесс национальной кристаллизации вырывается далеко за пределы того круга интересов, которые он, как и всякий другой духовный процесс, собою выдвигает, — того обаяющего себя мира впечатлений, чувств, стремлений, целей, — социально-психологическим выражением которых является язык, религия, право, мораль, искусство и т. д. Представили собою синтез творческой работы в сферах общественных классов, являясь результатом всеобщего пробуждения элементов придавленных народных сил, процесс национальной кристаллизации вырывается из сферы общественных интересов на другую, в нем сходится и расходится весь виток общественной жизни. И чем больше, с прогрессирующим развитием национальностей, общественные их потребности дифференцируются и развиваются, тем шире становится тот круг, который ощущает необходимость в удовлетворении этих потребностей. Тем больше плоскость трений между угнетенными народностями и державной расширяется, тем больше нарастает поводов для тяжёлых конфликтов и столкновений, — все области государственной жизни становятся ареной ожесточенной борьбы между этими двумя враждующими лагерями. „Империальным“ интересам державной народности негосударственные национальности противопоставляют свои национальные и социальные интересы, властно требуя их удовлетворения.

Империализм и национализм, хозяйственная авторитарность и национальная автономия, — это те две грозных двигательные силы, Сицилла и Харибда, в круговорот которых очутилось так называемое государство национальностей. Эти два мощных социальных фактора, стройно гармонирующие в едином национальном государстве, бесконечно сталкиваются в государстве с разнородным национальным составом, и в своих безнечеловеческих трениях до крайности запутывают и осложняют и без того полную противоречий и антагонизмов общественную жизнь. Они ведут к глубоким политическим кризисам, сильно парализуя весь ход государственного развития.

Целью этих тяжёлых общественных конфликтов в различных их проявлениях и в тех многообразных рядах, которыми они играют в каждой отдельной социально-политической среде, — стремится настоящий эсберник.

Своеобразная психическая структура национального чувства, те элементы

страстности, экстаза, которые оно содержит, частое воплощение, в силу этого, национальной идеи в романтическую грезу, в мистический сон, наконец, та, так сказать, универсальность, которой отличаются национальные интересы, затрагивающие, если и не в одинаковой мере, *все* общественные классы, — все это придает национальному движению особое характерное выражение, в высшей степени усложняя и затемняя настоящую его сущность. Пролетать это движение в различных его перипетиях и формах, намётить, таким образом, важнейшие контуры национальной проблемы, содействовать, если не практическому ее разрешению, то хоть теоретическому выяснению, — поставила себя целью предлагаемая книга.

В настоящей том вошли Австро-Венгрия, Россия и Германия. В этих трех государствах, как в kaleidoscope, национальное движение разворачивается пред нами во всех стадиях его развития, начиная с почти инстинктивных, судорожных напряжений, первых опытов борьбы — сибирских племен против грубого гнета и произвола, и кончая мощной, строго организованный политической борьбой чехов в Австрии за высший национальный права.

И если этим материалом формы национальной борьбы и способы ее разрешения еще далеко не исчерпываются, если национальная проблема еще не достаточно охвачена здесь во всем ее объеме, то национальное движение, как таковое, уже и здесь выступает пред нами во всей его вышительности, во всей его великой культурно-исторической роли. Как ли глубоко различно оно в этих трех государствах, как по времени возникновения, и степени его интенсивности, так и по той высшей политической обстановке, в которой оно происходит¹⁾, по содержанию национальное движение остается вездь одинаковым, обнаруживает повсюду оди и те же тенденции: в мучительном процессе „борьбы за существование“ народы творят высшие формы государственного бытия.

В заключение несколько пояснений формального характера. Изложенный выше материал сборника и его строго-научный стиль уже сами указывают на те строго очерченные рамки, которые должны были держаться участники этой коллективной работы: объективное изложение (насколько вообще мыслима объективность в общественных вопросах, и в особенности, в столь обостренном и запутанном, как национальный!) случае, игнорируя по возможности долженствование, предоставив говорить самим фактам.

¹⁾ В то время как в Австрии, например, национальности посты должных мучительных напряжений уже отвоёвывали себе значительные национальные права, или находятся, по крайней мере на пути к этому, где борьба ведется скорее не против государства, а среди национальностей между собою — за *государство*, — в России и Венгрии угнетение и безправие негосударственных народностей достигает чрезвычайных пределов. В частности в России национальный гнет принимает тем более угрожающий характер, что агрессивность господствующего великорусского племени, не выходящая раньше за пределы техных кругов его правящих сфер, — со вступлением восточного в активную политическую жизнь, начинает охватывать все более широкие слои его.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬ- НОСТЕЙ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРИИ.

Этотъ, такъ сказать, болѣе описательный методъ изслѣдованія сдѣлалъ возможнымъ и даже отчасти необходимымъ, чтобы въ сборникѣ сошлись люди различныхъ научныхъ взглядовъ и политическихъ направленій (но одинаковыхъ, разумѣется, практическихъ пожеланій!). Если благодаря этому въ обработкѣ матеріала и получается нѣкоторая „шестрота“, то, съ другой стороны, это даетъ намъ какъ разъ возможность ознакомиться съ національной проблемой, *видѣть* ее въ разныхъ ея плоскостяхъ. Само собою разумѣется, что отвѣтственность какъ авторовъ, такъ и редакціи не простирается дальше предѣловъ ихъ собственныхъ статей.

Чтобы получить по возможности выпуклую картину развитія національнаго движенія, чтобы сдѣлать различныя его фазы болѣе наглядными, — каждой національности въ отдѣльности удѣлена особая глава, причемъ для достиженія возможно большей безпристрастности въ смыслѣ „междунаціональныхъ отношеній“ статьи по мѣрѣ возможности распределены между представителями каждой данной національности, что вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ сборнику характеръ „человѣческаго документа“, своего рода парламента національностей. Что касается порядка размѣщенія матеріала, то редакція придерживалась болѣе объективнаго въ данномъ случаѣ „критерія“, — численности той или иной народности, согласно даннымъ официальной статистики.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, въ сборникѣ, къ сожалѣнію, не вошли эсты, нѣмцы, а также татары, національное движеніе которыхъ въ повѣйшее время принимаетъ все болѣе широкіе размѣры и несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для будущаго политическаго развитія Россіи¹⁾. Осталось также незамѣреннымъ національное движеніе румынъ въ Австро-Венгрии.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что событія самаго послѣдняго времени въ области національнаго движенія, въ особенности, движеніе національнаго вопроса въ государственной думѣ и т. д., какъ еще не поддающіеся научному анализу и освѣщенію, по мѣрѣ возможности исключены изъ круга изслѣдованія настоящаго тома.

А. Кастелянскій.

¹⁾ По тѣмъ же обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ, остался также незамѣреннымъ одинъ изъ наиболее знаменательныхъ моментовъ русскаго національнаго движенія, — я имѣю въ виду происходившіе въ 1905 и 1906 гг. съѣзды автономистовъ-федералистовъ, въ которыхъ участвовали представители почти отъ всехъ народовъ Россіи. Статьи объ этомъ интересномъ событіи, въ связи съ разсмотрѣніемъ національнаго вопроса въ Россіи съ обще-государственной точки зрѣнія, къ сожалѣнію, не могла попасть въ этотъ томъ. Выпускаемый въ свѣтъ сборникъ вообще представлялъ цѣлый рядъ затрудненій, среди которыхъ немало чисто-техническаго свойства, чѣмъ часто объясняется его запозданіе. Уже одно то обстоятельство, что участники сборника разбѣсны буквально по разнымъ уголкамъ Европы, и что рукописи доставлялись на разныхъ языкахъ, для которыхъ нѣрѣдко нельзя было даже найти подходящихъ переводчиковъ, — до крайности тормозило его составленіе.

I. Начало конституціонной эры.

Домартовскій періодъ.

Адамъ Мицкевичъ въ своихъ „Лекціяхъ о славянской литературѣ“ (4-ая лекція, годъ 3-ій, изд. 1842 г.) слѣдующимъ образомъ изображаетъ государственное устройство Австріи до революціи 1848 г.: „Эта имперія насчитываетъ 34 милліона жителей; въ сущности же, въ ней не болѣе 6 милліоновъ душъ, ибо 6 милліоновъ нѣмцевъ держатъ у себя въ подчиненіи 28 милліоновъ всѣхъ остальныхъ племенъ. Но если изъ этихъ 6 милліоновъ вычтеть еще (нѣмецкихъ) крестьянъ, ремесленниковъ, торговцевъ и т. п., какъ вовсе не принимающихъ участія въ управленіи страной, то останется максимумъ 2 милліона австрійцевъ, которые господствуютъ надъ всей этой огромной массой. Эти два милліона людей, или вѣрнѣе — ихъ интересы и взгляды представлены приблизительно сотней семействъ, которыя принадлежатъ къ нѣмецкой, венгерской, чешской, польской и романскимъ національностямъ, но говорятъ все на французскомъ языкѣ и хранятъ свои капиталы болѣею частью за границей. Имѣя къ своимъ услугамъ два милліона чиновниковъ и солдатъ, они властвуютъ надъ остальными 32 милліонами населенія. Это въ сущности *сообщество, дѣйствующее по образцу англійской остъ-индской торговой компаніи*, которая также властвуетъ надъ большою территоріей. Обыкновенно объ этой Австріи имѣютъ ложное представленіе; на дѣлѣ она никогда не была ни нѣмецкимъ, ни венгерскимъ, ни славянскимъ государствомъ, а только вѣнкой, объединившей всѣхъ тѣхъ, кто поставилъ себѣ цѣлью высасывать жизненные соки изъ столькихъ обширныхъ и густо населенныхъ земель“.

Этотъ суровый приговоръ въ одно и то же время и справедливъ, и не справедливъ. Въ старой Германской имперіи главенствовали Габсбургскій домъ;